

Завен Григорьевич. Будучи в системе на протяжении 57 лет, из коих последние 44 в Московском цирке - с заездом, приездом, отъездом, - я повидал всех, и все повидали меня. Все артисты шли через московский цирк. И это было естественно, и первый, с кем они стalkerивались, был я, и это было естественно.

Ольга Дубинская. Потому что вы были такой важный?

З. Г. Совсем не поэтому, хотя шпрыхсталмейстеру всегда полагается таким быть. Это маска такая. Знаете, когда новенькие артисты приезжают со своей программой в цирк, они могут кого-то знать из других артистов, могут не знать, но все равно им надо по большому счету вливаться в незнакомый коллектив - причем вливаться быстро. Как они это могут сделать? «Идем к отцу родному», - говорили они и шли ко мне. Это был закон, потому иначе быть не могло. Должность такая.

О. Д. А вы суровый шпрыхсталмейстер?

З. Г. Я? Да вы посмотрите на меня. Я - просто требовательный. Во время работы я никаких поблажек никому не даю! И это правильно. А в жизни? В жизни мы все были друзья, все приветствовали друг друга. Иногда сидели водочку выпивали. Но в работе, извините, повторюсь, я был требовательный, потому что от меня жизнь людей зависела. Именно я в ответе, чтобы никто не мешал друг другу.

О. Д. И с этого началась ваша цирковая карьера?

З. Г. Шпрыхсталмейстера?

О. Д. Да!

З. Г. Нет, конечно, нет. Но вообще профессия Шпрыхсталмейстера появилась еще в позапрошлом веке. Ведущие всегда были нужны, они создавали контакт публики с артистами, они эффектно подавали номер, они были лицом цирка.

О. Д. А когда им стало ваше лицо?

З. Г. Начнем с того, что на протяжении десятков лет меня видели руководители цирка на Цветном бульваре. Естественно, что обращали внимание на внешность, на мой вид, рост, все это имело значение - ведь шпрыхсталмейстер - это визитная карточка. Но это все для публики, а для артистов инспектор манежа должен был быть очень эрудированным человеком, знать подвеску аппаратуры. Делать завязки, подвязки, восьмерки.

О. Д. Восьмерка - это что такое?

З. Г. Это такой способ крепления аппаратных номеров.

О. Д. И вы все это умели?

З. Г. А без этого, извините, на арену лучше не выходить, потому что за тобой люди... Вы спросили, с чего я начинал... В свое время я работал воздушным гимнастом, а начинал как партерный акробат, прошел все профессии в цирке - и все узнал, пока не перешел на эту должность. Конкретно в Московский цирк на Цветном бульваре меня позвал режиссер Арнольд Арнольд.

Так вот, Арнольд Арнольд вместе с Марком Соломоновичем Местечкиным предложили мне остаться в Мосцирке как ведущему. И я остался. В промежутке ездил по некоторым городам с армянским коллективом, но он распался.

О. Д. Извините, а можно я посмотрю фотографии.

З. Г. Конечно.

На стене висело десяток самых невероятных фотографий. Никулин, Енгибаров, Моргунов, Вицин и Мартиросян. Со всеми ними и по одиночке, с тиграми, со львами, в costume, без costume - и самые знаменитые, где он в роли инспектора манежа.

О. Д. Это что за фотографии?

З. Г. Вот эта, например, та, что вы держите в руках, - это выпуск режиссеров цирка в ГИТИСе. Сделали ее на выпускном вечере, ну и сами изображали всяких смешных персонажей. Многие из них уже ушли из жизни.

О. Д. А такие все молодые, и кажется, что было все недавно. Неужели жизнь артиста цирка так недолговечна?

З. Г. И так бывает. Вы на меня посмотрите. 44 года я уже здесь - в этих стенах. И за моими плечами сотни программ. А возраст бежит. Мне уже восьмой десяток - 77 лет.

О. Д. Все привыкли, что вы всегда на арене в расшитом золотом costume. Собственно, без вашей фигуры картинка цирка неполная. Но ведь я вас и в кино видела.

З. Г. Могли, могли... Масса картин была.

О. Д. Не секрет сколько?

З. Г. Из последних - снимался с Генной Хазановой «В маленьком гиганте большого секса», с Евстигнеевым в «Длинном вечере в Гаграх»... Играл даже белорусского партизана в одном фильме. В течение пятнадцати лет картина с экраном не сходила. С Татьяной Пельтцер играл «В приключениях желтого чемоданчика». Много всякого было связано с кино. Около 60 картин всего, от эпизодов до больших ролей. Мало?

О. Д. Ого-го. А что это за портрет знаменитый в духе Параджанова висит прямо над вашей головой?

З. Г. Это я роль арабского шейха исполнял.

О. Д. А чего в цирке больше? Весело или трагического?

З. Г. Говорят - всего поровну: Но я считаю, что пока ты молод, в цирке больше смешного, а как приходит возраст -

замечаешь много печального. Это жизнь. Хотя, на мой взгляд, изменились не только люди, шутки тоже изменились. Сейчас шутки стали более серьезными. Требовательности что ли к шуткам стало больше, вот они и стали монументальнее. Да и режиссеры перестали любить отсебятину. А вот мои девять лет с Енгибаровым научили меня другому. Мы себе позволяли на ходу всякие импровизации, экспромты любили. Мы с Енгибаровым делали клоунаду «Бокс». У меня была маска «белый клоун». А «рыжий» всегда издевается над «белым». В цирке это закон неписанный, «рыжий» гоняется за «белым» и лупит его. И вот я в черном фраке был «белым». Что вы хотите - интеллигентный артист... Ха-ха... Много лет так продолжалось. Я работал с Берманом и Константиновым, работал с Ротманом и Маковским, с Олегом Поповым, с Карандашом. Естественно, с Никулиным - Шуйдиным довольно много.

О. Д. Кто из них самый смешной?

З. Г. Сравнить этих корифеев нельзя. Разные вещи. Есть смешной, а есть дурачок. Есть умный, а есть фраер.

О. Д. А Карандаш был фраером?

З. Г. Нет, Карандаш был «рыжий». У него была гениальная клоунада «Статуя», если я вам начну ее рассказывать, хотя это в принципе невозможно, - вы умрете с хохоту, поэтому не буду.

О. Д. Но можно говорить, что наши клоуны были самые лучшие?

З. Г. Я видел много клоунов. Центарика - один из лучших клоунов, я видел Тошу Кадарова - болгарина, великолепный солист клоун, да что говорить, я видел самих братьев Линдини, клоунов итальянцев. На их фоне наши... сильно выигрывали. Наши клоуны были всегда на несколько голов выше. Своя маска была и у Карандаша - собачка Клякса, у Попова - кепка, но при этом наши клоуны не прикрывали лицо, как западные. Ни Шуйдин, ни Енгибаров, ни Никулин. Они были только с легким нюансом маскировки в сторону клоуна, а суть была человеческая.

О. Д. Так кто же тогда был фраером?

З. Г. Ротман всегда был фраером, а Маковский - интеллигентом. Никулин был